

Александр БОБКОВ (г.Москва) **ТАМ**

НАТ. ОГРОМНЫЙ ГОРОД — НОЧЬ — СОН СТРЕЛЬЦА

Многотысячная толпа горожан вдыхает крепкий коктейль из компонентов вечернего смога и свежего морского воздуха, активно поступающего из городской гавани за западным молотом...

Темнеет и холодает. Внезапно начинается сильный ливень, принесённый мощным ураганом.

Следует несколько толчков землетрясения, ошеломляющих своей силой, а главное — внезапностью...

Начинается паника, возникшая вместе с треском и грохотом от рушащихся строений на довольно тесных и многолюдных улицах города.

Гаснут и лопаются уличные фонари, искрят и обрываются провода, разрываются огромные рекламные неоновые изображения на разрушающихся строениях.

Ошалевший ветер, как шелудивый пёс, сорвавшийся с цепи, хватает всё и всех подряд, треплет с исступлением и злобой последнего варвара и бросает без всякого разбора куда попало, калеча вещи и тела друг о друга.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛОС

(за кадром)

Цунами, Цунами!

Огромная грохочущая чёрная волна размером с двадцатипятиэтажный дом обрушивается откуда-то сверху, давя и унося с собой всё, что до этого находилось на поверхности содрогаемой земли и летало над ней в беснующемся воздухе.

Следующая волна уже с меньшим грохотом соскребаёт остатки предметов и тел с поверхности земли и обозначает большую промоину, в которую хлещет подоспевший мутный поток уже ослабевшей стихии.

Среди множества различных предметов и тел Стрелец ясно видит и своё обезображенное стихией мёртвое тело, беспомощно влекомое в тёмную пучину волн...

КОНЕЦ СНА

ИНТ. ПОДМОСКОВЬЕ — ДАЧА — РАННЕЕ УТРО

Стрелец просыпается, поёживаясь от утренней прохлады, а вероятно и пережитого во сне страха. Осторожно, чтобы не разбудить жену ТОНИКУ, выбирается из кровати, и пошатываясь, почти в полной темноте привычно ощупывая родные стены и предметы мебели, добирается до туалета...

Преодолевая сильный спазм мочеочника, Стрелец кое-как мочится, охлаждает воспалённые кисти рук и лицо водой из металлического раукомойника, и наконец, окончательно просыпается.

СТРЕЛЕЦ

(про себя, тихо)

ТЬфу, наваждение какое-то!..

Несколько раз вдыхает полной грудью, идёт на кухню, зажигает там свет, смотрит на настенные часы.

СТРЕЛЕЦ

(просыпающейся жене)

Половина пятого... Можно было бы ещё часок поспать. Но какой уже теперь сон? Лучше не спеша соберёмся в дорогу, немного прогуляемся по улице, прогреем машину...

СТРЕЛЕЦ

(продолжает)

На улице, кажется, «холодрыга». Как говорится, «марток – одевай двое порток»...

Жена всё ещё не встаёт, кутаясь в одеяло.

Стрелец делает небольшую паузу.

СТРЕЛЕЦ

Давай, Тоника, поактивнее, вставай... Чтобы не попасть в дорожную пробку, заехать домой, переодеться, побриться, перекусить и быть в девять часов на работе, нам надо уехать не позднее шести.

СТРЕЛЕЦ

(продолжает)

К тому же, сегодня в пять вечера мы встречаемся с Филином в Ёлках-Палках. Давно не общались «с глазу на глаз». Надо в спокойной обстановке кое-что обсудить.

ИНТ. КАФЕ ЁЛКИ-ПАЛКИ – ВЕЧЕР

Очередь у стойки с закусками. Стрелец и Филин, встретившись, должным образом наполняют тарелочки и усаживаются за свободный столик на балконе второго этажа.

Дополнительно заказывают у официанта по жареному куску свинины и литр клинского пива.

Официант приносит пиво и свинину.

СТРЕЛЕЦ

(Филину)

Давно не встречались, брат. Давай выпьем за встречу, потом поговорим... У меня для тебя есть совсем новая информация.

ФИЛИН

(с интересом глядя Стрельцу в глаза)

С удовольствием, братец. Ты, как всегда, опять меня интригуешь. Будь здоров!

Чокнулись, отпили по полкружки пива.

СТРЕЛЕЦ

(с трудом подбирая слова)

Этой ночью на даче мне приснился ужасный сон...

СТРЕЛЕЦ

(продолжает с испугом в глазах)

И то, что я увидел, было настолько потрясающим, что и до сих пор я не могу отделаться от ощущения абсолютной реальности всего происходившего...

(отодвинув бокал с пивом на край стола)

Во сне я отчётливо наблюдал со стороны цунами на набережной неизвестного мне большого приморского города, с массовой гибелью людей, и себя в том числе.

Стрелец делает небольшую паузу и продолжает...

СТРЕЛЕЦ

Знаешь, сегодня ночью я кажется отчётливо осознал, что в природе нет ни абсолютной Жизни, ни абсолютной Смерти. Что думаешь об этом ты?

ФИЛИН

(доедая салат со свининой)

Сон, кроме физического «отдохновения», это ведь ещё и маленькая смерть. Он является своего рода репетицией настоящей смерти. Поэтому иногда именно во сне мы можем узнать кое-что об истинных механизмах нашей жизни там, за порогом...

СТРЕЛЕЦ

(лукаво усмехаясь)

Вот тебе и профессор физиологии. И пива то ведь выпили вроде немного...

ФИЛИН

(серьёзно)

Да, я действительно полагаю, что этот Мир настолько огромен и непредсказуем, что в нём есть место всему...

СТРЕЛЕЦ

(с неподдельным интересом)

Значит, когда мы умрём, мы тоже будем?

ФИЛИН

Да, но по-видимому — в ином качестве... Наше сознание нас переживает. Последнее, скорее всего, нематериально; иначе бы мы так долго не топтались на месте в смысле раскрытия его тайн.

СТРЕЛЕЦ

Но ведь нематериальное тоже познаваемо человеком и может быть даже методами науки... просто ещё не пришло время...

ФИЛИН

Думаю, что так... Ты ведь тоже врач, доктор наук, как никак — учёный... И ты не

можешь не понимать, что главными волшебниками на Земле являются учёные. Именно они объясняют чудеса и постепенно переводят их в разряд обычных материальных явлений. Примеров тому предостаточно.

СТРЕЛЕЦ

Да, по моему мнению, большие учёные рождаются и гаснут так же, как и звёзды на небе; и все они были нужны, и все они были правы...

ФИЛИН

Но дело-то в том, что до абсолютной истины в этой земной реальности не дано добраться никому...

СТРЕЛЕЦ

Но теперь я знаю, что когда мы умрём, мы тоже будем... А каждому умирающему сегодня я могу с уверенностью сказать: «Умирая — живи!»

ОФИЦИАНТ

(с некоторой досадой поглядывая на столик братьев)

Не желаете ли ещё чего-нибудь — пива, водочки, десерт?

СТРЕЛЕЦ

(взглядом уловив такое же мнение брата и потянувшись за кружкой с остатками пива)

Благодарим, не надо.

Где-то внизу, но очень близко раздаётся страшный грохот с молниеносной вспышкой яркого света. Возникающий вслед за этим густой чёрный дым, а также удушающий и всё испепеляющий жар в мгновение ока поглощают часть обрушившегося балкона вместе со столиками, клиентами и обслуживающими их официантами.

Но каким-то странным образом братья по-прежнему сидят друг напротив друга, как бы

продолжая общаться... То же делают и некоторые другие клиенты балконных столиков...

Два официанта — один из них тот, что обслуживал Стрельца и Филина — как ни в чём не бывало продолжают работать с посетителями...

НАТ. КАФЕ «ЁЛКИ-ПАЛКИ» — ВЕЧЕР

Кафе «Ёлки-Палки», что на Большой Дмитровке, после произошедшего внутри него взрыва повреждено... Изуродованы двери и оконные проёмы. Разбиты стёкла, витрина у входа. Наблюдается лёгкое задымление помещений.

ИНТ. КАФЕ «ЁЛКИ-ПАЛКИ» — ВЕЧЕР

Несмотря на это некоторые посетители, не спеша довершая трапезу и допивая из бокалов напитки, спокойно готовятся разойтись...

Другие же в какой-то суматохе и даже панике мечутся между опрокинутыми столиками, разбитыми витринами, искорёженными и обожжёнными деревянными, пластмассовыми и металлическими конструкциями внутреннего интерьера кафе в поисках спасительного выхода.

В зале первого этажа кафе находятся и другие люди, которые не бегут вон, а наоборот, приходят с улицы, наклоняются над пострадавшими, оказывают им посильную помощь, и взяв наиболее сильно покалеченных за руки и за ноги, выносят последних из помещения. Детей несут на руках: испуганных, окровавленных, обожжённых; живых и мёртвых.

Появляются санитары с красными крестами на нарукавных повязках и с носилками для эвакуации.

Некоторым пострадавшим тут же на полу или на носилках оказывается разнообразная медицинская помощь. Кому-то врачами «скорой» делаются инъекции в различные части тела.

В относительно мало пострадавшем дальнем углу кафе, прямо на составленных вместе двух уцелевших столиках другие врачи проводят дефибриляцию сердца одному из потерпевших.

Внимание Стрельца, который по-прежнему может всего лишь наблюдать происходящее, привлекает пожилой человек, бездыханно лежащий ничком в правом углу кафе, придавленный к полу толстой деревянной балкой обрушившегося балкона.

Несколько молодых парней, появившихся внутри кафе уже после происшествия, с трудом освобождают тело бедняги от балки и переворачивают его на спину.

Что-то вспыхивает перед глазами Стрельца и ударяет, как взрывной волной; да так, что его «вышибает» из кресла, в котором он сидит и поднимает вверх под обожжённый потолок кафе. В лежащем внизу на полу синем от асфиксии теле он узнаёт Филина.

СТРЕЛЕЦ

(в ужасе говорит сам себе)

Не может быть!! Вот же он, Юра, в кресле напротив меня...

Да, Филин — рядом, но уже не в кресле, а парит, так же как и сам Стрелец, на уровне разбитой, но не погасшей совсем огромной хрустальной люстры под потолком.

СТРЕЛЕЦ

(продолжая говорить с самим собой)

Значит и я где-то там, внизу... Но ведь я — здесь; и Юра — здесь?! А кто же там!!? Там наши тела, а мы — здесь?!!

Стрелец понимает, что они с Филином погибли физически так же, как погибли многие другие люди, которые, тем не менее, продолжают относительно спокойно и даже как-то отстранённо наблюдать это кровавое столпотворение...

Однако некоторые из этих «благополучных», но по-видимому равнодушных клиентов пытаются вмешаться, то есть оказывать помощь пострадавшим. Но это у них не получается... Их быстрые прямо по воздуху перемещения и попытки оказания физической помощи лежащим на полу людям не дают никакого эффекта... После тщетных попыток некоторых из них вмешаться в происходящее, все они концентрируются вверху помещения, совершенно не реагируя на гарь, пыль, дым, а также воду из брандспойтов, которой подоспевшие пожарные заливают небольшие очаги возгораний на первом этаже кафе.

Часть «благополучных» соседей начинает постепенно исчезать из поля зрения Стрельца, покидая помещение кафе; но не через двери и даже не через окна, многие из которых выбиты, а прямо через потолок и стены здания... Жуткая, и всё же очень любопытная картина... Ужасно гримасничая и страшась контакта с потолком и стенами, вытаращив глаза и выставив для защиты вперёд руки и ноги, все они как один благополучно и без всяких видимых усилий проникают сквозь любые предметы — будь то бетонные блоки, деревянные или металлические перекрытия, и уходят...

СТРЕЛЕЦ

(глядя на Филина. Самому себе)

А как же мы? Но я не хочу — один... Только — вместе... Туда или сюда...

(больше хочется назад)

Там, внизу — мой дом, моя Тоника... Нет-нет, я не хочу уходить...

Вдруг Филин, как бы окончательно решившись, начинает подниматься выше, с каким-то отчаянием во взоре глядя на Стрельца...

Стрелец пытается его удержать...

ПОТУСТОРОННИЙ ГОЛОС

(за кадром)

Вас мы забираем с собой.

СТРЕЛЕЦ

(с полными от «сухих слёз» глазами)

Здесь не место и не время распоряжаться.

Вслед за Филином неведомой ему силой Стрелец поднимается ещё выше, так же как и Филин проходит насквозь потолок, чердак, крышу дома и вылетает на открытый воздух...

НАТ. ПОЛЁТ — ВНЕ ВРЕМЕНИ

Стрелец и Филин — в движении, а теперь уже и в полёте со всё возрастающей скоростью, но не в открытом небе, а в какой-то неземной, сотканной как бы из воздуха с лучиками света полузатемнённой конструкции своеобразного воздушного моста с великолепными ажурными очертаниями свода...

Филин летит впереди и, несмотря на постоянные вибрационные колебания светотени, виден очень хорошо. Его тонкий и гибкий изящный стан, как бы окутанный или крепко схваченный искрящимся турбулентным потоком, напоминает маленький степной смерч в жарком лете, уносящий в себе нечто таинственное и достойное продолжения жизни...

Стрелец летит следом за Филином.

Впереди, немного их обгоняя, так же стремительно несутся вперёд по играющему светотенью воздушному мосту силуэты ещё нескольких изящных вихревых смерчков...

НАТ. МЕНТАЛ — ВНЕ ВРЕМЕНИ

Простор распахивается навстречу летящим совершенно неожиданно и мощно. Тьма отступает совсем и растворяется где-то позади. Их двое: Стрелец и Филин.

Вокруг — мягкий и добрый свет, но уже без солнца, без теней, без посторонних бликов и отражённого сияния.

Стрелец видит чудесные холмистые луга с ярчайшим зелёным покровом, которые чередуются с массивами великолепного смешанного леса-сада. Видимость всего этого «природного заказника» абсолютно ясная, чистая и увеличенная, по крайней мере, раза в три–четыре. Ближайшие луга и сады с множеством каких-то экзотических деревьев особенно хороши. Огромное количество диковинных пернатых наполняют пространство разноголосым, но мелодичным хором, больше напоминающим серенады виртуозов-исполнителей на каких-то божественных небесных инструментах, чем птичьи голоса.

Филин тоже любит неземными пейзажами. Его сияющее светом лицо выражает внутренний восторг, а глаза полны мысли. Яркие изогнутые лучи жёлтого цвета, прямо исходящие от головы, шеи и плеч его «тела», струятся вниз, закручиваются вокруг рук, талии, ног, создавая подобие крыльев; частично рассеиваются в окружающем пространстве, а частично возвращаются к верхней части туловища и к голове.

Филин впервые после прерванного разговора в кафе мысленно обращается к брату.

ФИЛИН

Теперь ты знаешь, брат, ответ на главный, мучавший тебя там, в кафе вопрос. Знаю его и я. Сейчас я чувствую себя космонавтом, впервые ступившим на неизведанную планету и ещё не представляющим себе своего второго шага.

СТРЕЛЕЦ

Мы умерли, но мы — есть! Правда, теперь не на Земле. Так где же мы? Совершенно очевидно, что несмотря на смерть мы живы, поскольку не утратили, как мне кажется, своей индивидуальности... А что касается нашей внешности...

СТРЕЛЕЦ

(внимательно вглядываясь сначала в лицо, а затем и в сверкающее золотистое тело брата)

Мы явно изменились... Тела наши легки и послушны, как никогда... Я любовался тобой в полёте. Действительно, мы — как птицы небесные... Сколько нам лет? Или здесь это уже не имеет значения?

ФИЛИН

Со временем мы это поймём. Меня сейчас занимает другое: где мы, и имеются ли тут разумные существа?

Эта мысль Филина буквально «вылетает» из него и растворяется в окружающем пространстве. И последний видит, наконец, этих небожителей... Издали их тела смотрятся как полупрозрачные светящиеся сферы или овалы...

Вблизи всё внимание переключается на большие круглые головы с красивыми сияющими лицами и как будто бриллиантовыми глазами... Головы удивительным образом «встроены» в туловища; вращаются и перемещаются во всех направлениях, появляясь с определённой периодичностью в разных местах тел.

У других же, более светлых индивидуумов тела напоминают видимые в океане издалека «крылатые» парусники. Над их крупными подвижными головами ярким жёлтым светом вспыхивают вибрирующие язычки наподобие пламени, а прямо посередине высокого лба возникают нежно-розовые пульсации небольших шестиконечных звёздочек, подсвечиваемых мягким сиянием удивительно человеческих глаз.

Филин посылает Стрельцу многозначительный взгляд.

ФИЛИН

Эти здесь по случаю...

СТРЕЛЕЦ

(пьянея от восторга)

Всё это надо ещё «переварить»...

ФИЛИН

Кажется, я уловил одну любопытную закономерность... В этом безусловно живом и одухотворённом мире сказки, в котором мы с тобой, брат, сейчас находимся, все явления посещают нас по первому мысленному запросу... Или они приходят к нам вроде бы из ниоткуда, или мы посещаем их... Тебе не кажется то же самое?

ФИЛИН

(вопросительно глядя на Стрельца)

Интересно, что каждый из нас одновременно видит одно и то же и разное; и эти картины перед глазами всё время меняются. И даже друг друга мы наблюдаем периодически, а точнее — только тогда, когда активно вспоминаем о нас или общаемся... Не так ли?

ФИЛИН

(не дождавшись ответа)

Знаешь, секунду назад я видел «местных жителей»; их много, и похоже, что они счастливы... Среди них были и «гости со стороны», но как мне показалось — ангельски прекрасные и очень умные существа... Мне кажется, они ждут контакта... Сами они, вероятно, уже имеют с нами одностороннюю связь... Не отвлекайся, пожалуйста... Давай попробуем действовать вместе... Без них нам здесь ни в чём не разобраться...

СТРЕЛЕЦ

(по-прежнему восхищённо)

Стоит только подумать или просто захотеть... здесь мысль творит окружение...

Не сговариваясь, братья вместе просят о встрече и о помощи в новых обстоятельствах жизни; жизни после их физической смерти.

Фигуры двух светящихся существ — из тех, которых минутой раньше уже видел Филин, немедленно и одновременно возникают перед мысленными взорами братьев. Это СИМЕОН и ОКТОПЕС. Они улыбаются улыбками очень добрых «людей», давно не видевших своих любимых и оттого любящих их сейчас ещё больше.

СИМЕОН

(плавно приблизившись к братьям на расстояние вытянутой руки)

Я — Симеон.

ОКТОПЕС

(тронув за локоть Стрельца)

А я — Октопес. Мы с Симеоном — ваши новые проводники и сопровождаем вас с тех пор, как вы расстались с физическим миром и с вашими земными хранителями — нашими друзьями Александром и Георгием...

Проводники имеют что-то вроде знаков отличия. У одного из них (Октопеса) во лбу сияет розовая шестиугольная звёздочка; а у Симеона вместо волос над головой колышется желто-голубое пламя в виде нескольких волнистых язычков, имитирующих причёску. Оба с головы до ног светятся мягким голубоватым свечением, вырывающимся отовсюду из-под безукоризненно чистых белых одежд, напоминающих систему парусов-крыльев, управляющих движением судна в океане с неопределённой и постоянно меняющейся ориентацией движения... Лица Симеона и Октопеса — человеческие; даже удивительно человеческие... Глаза — совершенно без каких-либо признаков беспокойства, настороженности и любопытства. Понимание, дружеское расположение, покой и мудрость постоянно присутствуют в этих глазах.

СИМЕОН

(мысленно обращаясь к братьям)

Сюда мы ещё вернёмся. А сейчас вам предстоит на время сбросить с себя ваши

ментальные «доспехи» и побывать Дома...

Братья пребывают в изумлении и некотором смятении...

ОКТОПЕС

(мягко улыбаясь)

Вы не так поняли. Речь идёт о другом вашем доме, не земном... Не всем удаётся побывать там даже кратковременно. Но вам повезло...

НАТ. ФИЗИЧЕСКИЙ ЭФИР — ВНЕ ВРЕМЕНИ

В следующее мгновение братья чувствуют себя совсем невесомыми, легче воздуха, легче всего на свете; и такими сильными и свободными, какими ещё никогда и нигде себя не ощущали.

Стремительно возвращается память, память о прошлом. Но не о том совсем недавнем земном мире, из которого они пришли сюда, а об очень и очень далёком пространстве истинной, не стеснённой никакими материальными оболочками души; души вечной, незамутнённой, изначальной.

Стрелец и Филин поднимаются всё выше и выше.

Незримые восходящие потоки из любви и света открывают всё новые пейзажи, мелькающие так живо и так стремительно, что братья не могут уже ни о чём думать и ничему удивляться. Они просто живут в этой возвращающейся Вселенной, в узнаваемых и таких родных местах.

Симеон и Октопес как заправские штурманы прокладывают путь «Домой», увлекая за собой Стрельца и Филина.

Бесконечный воздушный океан вокруг постоянно меняется... Волновые пульсации учащаются...

Где-то далеко впереди маячит сверкающее сферическое тело «Родительской Обители», как её про себя не сговариваясь уже «окрестили» братья, плавно и постепенно превращаясь в вогнутое зеркало, фокусирующее весь разнородный и многоцветный лучевой спектр видимого Эфира на тёмном пространстве тоннеля, или просто дыры, создаваемой параллельными пучками света на горизонте.

Внимание братьев концентрируется на пульсирующем в такт их собственным вибрациям Эфире, иначе и не назовёшь, или на том, что физики на Земле именуют Физическим Вакуумом... Физический Вакуум — всюду. Он заполняет всё пространство от вогнутой сферы Родительской Обители — и до чернеющего вдаль горизонта. Кроме того, им наполнена и сама Родительская Обитель. Спокойный, размеренный общий ритм пульсаций Эфира время от времени местами сменяется активными флюктуациями световых волн, как будто получая от каких-то невидимых и неслышимых распорядителей указания к переходу в «возмущённое состояние».

Возникающие то тут, то там молниеносные световые вспышки высвечивают огромное разнообразие неких мелких, очень подвижных и различающихся по форме и цветовой гамме частиц. Эти частицы, при пристальном их рассмотрении, совсем не просты... Появляясь как бы ниоткуда, они быстро и по-видимому безошибочно находят направления движения и места встреч со своими маленькими партнёрами... Их взаимоотношения с другими крохотными частицами очень разнообразны... С некоторыми они сливаются, образуя при этом другие по форме и цвету частицы. С иными как бы пошептавшись и выяснив отношения, не объединяются, а напротив, мягко отталкиваются, или резко отскакивают от них. С третьими начинают кружить вальсовые «па» — то вдвоём, то порознь вращаясь вокруг собственных осей и между другими, «озабоченными» каждая своими особенностями поведения частицами. Особый блеск и даже шик, изящество и неповторимый колорит всему этому карнавалу микрочастиц, которые и частицами-то называть неудобно, придаёт цветное разнообразие этой

своеобразной танцевальной феерии.

Очаги этого микробала-маскарада возникают то тут, то там, внезапно начинаясь и так же внезапно прекращаясь... Временами успокаивающийся и становящийся почти «безжизненным» Эфир начинает просто «механически» катить свои световые волны в строго определённом направлении. Пульсации становятся едва уловимыми вибрациями, или просто шелестом волн.

Затем всё снова оживает... В эфирном океане определяются различные видимые течения, изменяются направления движения волн, на поверхности возникает высокочастотная серебристая рябь...

И в следующее мгновение, под аккомпанемент световых разрядов возобновляются «священнодействия» частиц-микросущностей, но уже в совершенно иных «составах исполнителей»...

СТРЕЛЕЦ

(Филину)

Смотри, так это и есть то самое виртуальное движение, о котором знают учёные Земли, но не могут охарактеризовать его физически, материально!..

Филин смотрит на всё это — то разворачивающееся, а то свёртывающееся великолепие —просто разинув рот...

Это искромётное, и в то же время огромное единое живое поле, поле безусловно информационное и энергетическое, наполненное бесконечно разнообразными микросущностями (световыми волнами и сложнейшими живыми частицами), глубоко «вздыхает», отправляя за горизонт «эшелоны» какой-то бесформенной материи; затем радуется и даже ликует, мобилизуя и ориентируя свои «полки, армии и дивизии» крошечных умников и умниц на новое строительство ещё не обозначившихся реально, но уже существующих в проектах и копиях будущих космических объектов и жизней. Особенно привлекают внимание Филина процессы, происходящие как бы на периферии видимого пространства, на границе света и огромного чёрного круга... Здесь пульсирующий, населённый мириадами микроволн физических и химических частиц Океан то взрывается, вспучивая и выбрасывая массы аморфного, но видимо высокоэнергетического вещества, волнами уходящего всё дальше и дальше в светлую бесконечность, а то вибрируя и углубляясь в черноту Дыры, окаймлённой по окружности огненным венцом... Видимая уже совсем вблизи, залитая ярким, но не слепящим светом сферическая и вогнутая от края и до края Родительская Обитель, медленно поворачиваясь навстречу летящим, открывает свои объятия...

СТРЕЛЕЦ

(вопросительно глядя на Филина)

Здесь мы летали с друзьями, помнишь?

ФИЛИН

Да, но тогда мы были не братьями, а просто родственными душами.

СИМЕОН

Мы почти у «Горизонта Событий». А это именно тот квазар, как его называют ваши физики, из созвездия «Лебедь», который около двух тысяч лет тому назад впервые отправил вас в иные миры и пространства с целью постижения новых знаний и истин...

ФИЛИН

Да, это наш квазар, с которого, в сущности, мы начались как индивидуумы.

ФИЛИН

(обращаясь к Стрельцу)

Помнишь, брат, как мы расставались с Помелой, Крокусом и Земфирой? А крошек Мильсегов помнишь..?

СТРЕЛЕЦ

Я помню всё и всех. Здесь мы впервые осознали себя и были обласканы Светом. Мы были прозрачны и чисты, как слёзы нашей Мамы, когда она отправляла нас в первое, ещё невысказанное тогда путешествие.

СТРЕЛЕЦ

(продолжает)

Помнишь, как мы боялись тогда упасть туда, в ту Чёрную Дыру сразу за горизонтом, в которой, в конце концов, и оказались все наши... В отличие от друзей, мы были с тобой босяками-неучами и нам хотелось прикоснуться мыслью к каждому сгустку материи... хотя можно было бы этого и не делать...

СТРЕЛЕЦ

(после короткой паузы)

Но, по-видимому — каждому своё... И мы получили то, что хотели... Мы прошли, прошли много раз через всё: и хорошее и плохое, и возвышенное и низкое; через добро и зло; ненависть и любовь; совесть и бесстыдство...

ОКТОПЕС

(оглянувшись и предлагая братьям следовать за ним)

Но ваши друзья детства сейчас здесь; и они ждут вас...

Филин и Стрелец вслед за Октопесом и Симеоном подлетают к роскошному сгустку из

особо интенсивных световых волн, пульсирующих в такт со всей этой огромной сферической «машиной» из изначальных, первобытных и разноцветных частиц и античастиц. Их взор останавливается на внезапно оформившемся призрачном, полупроницаемом облачке из тончайшей космической пыли. В следующий миг облачко «тает», являя долгожданных и желанных друзей детства...

Последние все как один — огненно-рыжие и величественные... Исходящее от них ослепительное сияние освещает дороги к «Дому». Всего дорог семь; вернее, не дорог, а ярких и прямых лучей, стремящихся, по-видимому, в одну невидимую пока отсюда точку...

Братья обращают внимание на изменения в своём собственном облике. Да, их тела остаются теми же и принадлежат только им; но они становятся такими же огненно-рыжими, как и у их друзей детства — великанов, вышедших из облака.

НАТ. ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ — ВНЕ ВРЕМЕНИ

Симеон и Октопес остаются позади, а Филин и Стрелец, присоединившись к огненной компании, уже мягко скользят, каждый по своему лучу-радиусу, всё более сближаясь друг с другом и с друзьями детства в единой точке.

И вот они уже почти одно целое как отдельные язычки в едином пламени. Начинается мысленное общение... Говорят все разом... Все семеро... Кроме Стрельца с Филином, здесь присутствуют: КРОКУС, ПОМЕЛА, ЗЕМФИРА и оба МИЛЬСЕГА — МИЛЬСЕГ ПЕРВЫЙ и МИЛЬСЕГ ВТОРОЙ. Все наперебой обмениваются впечатлениями, вспоминают эпизоды из детства, проказы и шалости друг друга... Лицом к лицу все видят и отлично понимают один другого и всех сразу. А вот они уже друг в друге, один в одном; и все — в едином, но теперь не огненном, а ангельском, стремительно уменьшающемся в размерах теле; и уже не в теле, а в духе, общем и свободном, но чувствующем, понимающем и любящем — семью чувствами, семью сознаниями и семью любовями!..

ИНТ. ДОМА — ВНЕ ВРЕМЕНИ

ОБЩИЙ ГОЛОС

(за кадром)

Мама! Мы дома!

Волна блаженства, покоя и несказанной радости захлестывает всех и каждого в отдельности. Становится очень легко.

МАМА ласкает их, как мама-кошка ласкает своих котят, вылизывая с головы до пят и издавая при этом только ей понятные звуки любви.

Кажущиеся рядом с Мамой маленькими ангелочками, почти неотличимыми друг от друга, все они видят только Маму — всё той же огромной и доброй, любящей и внимательной к каждому их движению, каждому взгляду и каждому желанию.

Мама любит их как прежде; но теперь ещё и гордится ими, чувствуя и понимая тот огромный душевный и духовный багаж опыта, знаний и мудрости, который все они приобрели и принесли с собой на эту встречу.

Стрелец и Филин постепенно осваиваются в новой реальности...

Помела и Крокус деловито «выясняют отношения» с группой внезапно материализовавшихся призраков, внешне чем-то напоминающих Симеона и Октопеса, но значительно меньшего роста, довольно скромных и даже несколько застенчивых... Все они очень внимательны к той информации, которую мысленно по очереди, передают им Помела и Крокус.

Мама резко отличается от всех — то огненно-рыжих, то ангелоподобных — друзей детства, какими те предстают перед братьями. Стихия огня ни в какой степени её не затрагивает. Она вся из света... Облачённый Эфиром и ярким но приятным и тёплым несолнечным светом образ Мама как бы витает в пространстве, не формируясь, и внешне не подчиняясь никаким стихиям... Мама являет собой духовный образ видимо присутствующего, доброго, благородного, но постоянно ускользающего от пристального внимания окружающих светозарного существа, которое всегда здесь и сейчас, и которое прекрасно не бытием стихий, а только лишь одним ни с чем не сравнимым присутствием Сердечного Материнского Духа.

Земфира помогает Маме создавать некие изображения из разноцветных живых частиц, которых здесь огромное множество. Коротенькими лучевыми указками с небольшими утолщениями на концах Мама с Земфирой очень ловко, как настоящие художники мазками на холсте прямо на световой ряби «Океана» из частиц формируют разные фигурки, несколько напоминающие древние наскальные или пещерные рисунки — предмет изучения и восхищения учёными археологами и спелеологами Земли.

Оба Мильсега куда-то улетают...

Стрельцу хочется как можно больше узнать и понять... Поэтому он «жмётся» к Маме, ища у неё поддержки и ответов на всевозможные как? зачем? почему? Он видит, что Мама очень рада всем, и особенно — ему с братом.

СТРЕЛЕЦ

(глядя на Маму, самому себе)

Видно, что соскучилась; давно не встречались... А по сути — никогда с самого «рождения»... О, память, почему ты была так слаба и обманчива раньше?

Но сейчас Мама сильно занята...

Стрельцу ничего не остаётся, как продолжать наблюдать происходящее, тем более что вокруг по-прежнему всё довольно быстро меняется... Во всём чувствуется присутствие чьей-то воли и сознания... Единое информационно-энергетическое поле с постоянно меняющейся частотой световых волн-вибраций, с то уплотняющимися, а то разуплотняющимися участками Эфира кажется насквозь пронизывает всё пространство и время и связывает их воедино, делая последнее всего лишь одной из составляющих бесконечного пространства. Сознательная, одновременно творящая и разрушающая сила постоянно изменяет всё и вся, руководствуясь по-видимому принципами мгновенности, нелокальности и непредсказуемости...

Наконец, Стрелец видит; нет, не видит, но ощущает эту силищу — сознательную информационно энергетическую Матрицу, с которой пишется жизнь и смерть всех без исключения материальных объектов и субъектов Мироздания.

Выходит так, что и сама эта Матрица находится в постоянном развитии и «структурном» обновлении. Виртуальный физический; нет, не физический, а скорее психофизический ансамбль из светящихся микросуществ смотрится теперь более отчётливо и представляет из себя уже систему. Издали она напоминает множественные закрученные вихри, но не ветра как на Земле, а света, сотканного из волн разных цветов и оттенков. Эти вихри присутствуют всюду; их формы и окраска постоянно изменяются, являя взору то какие-то образы растительно-животного мира, а то необычайно сложные и запутанные живые нити, выстреливающие в пространство порции (кванты) лучевой энергии, рассыпающейся веером и накрывающей строго определённые локусы Эфира, выделяющиеся наибольшей активностью микрочастиц и высокочастотными колебаниями света.

СТРЕЛЕЦ

(восхищённо)

Вот уж действительно «Хочешь жить — умей вертеться»... Но этот вертеп — всем вертепам вертеп!

Чем больше Стрелец задумывается об увиденном, тем больше он видит; и чем больше он видит, тем больше понимает происходящее вокруг. Их с Филином «Главный Дом» представляется ему теперь эдакой Космической Маткой, местом не столько пребывания жизни как таковой, сколько космической колыбелью для рождения или возрождения жизни, и в частности — жизни людей.

Стрелец концентрирует всё своё внимание, призвав на помощь не столько знание, сколько безусловно обогатившееся за последнее время воображение, и в какой-то отчаянно малый миг осознаёт, а потом и видит невозможное: живые «нули» размером с жирную расплывающуюся точку, но с уходящей внутрь светлой воронкой посередине... Отобранные ими разноцветные микрочастицы, тут же ещё больше сократившись в размерах, «отправляются» внутрь «нулей». Прочие же, не представляющие видимо для последних интереса, продолжают по-прежнему активно «водить хороводы и вальсировать» в вихревых потоках света... Некоторые из «нулей» сами начинают излучать свет и развёртываются таким образом, что представляют собой уже вполне отчётливые и зримые мыслеобразы самых разнообразных форм и конфигураций. Другие же «живые нули», напротив, ещё глубже проваливаются внутрь себя, отчего становятся более тонкими и изящными, а их внутренний свет как будто уносит последних куда-то туда, в ту бесконечность, которая не к нам, а от нас...

Всё это мелькает перед мысленным взором Стрельца буквально молнией и тут же исчезает, вернув «настоящую реальность» в виде Мамы и Земфиры, которые своими световыми указками, как теперь стало понятно Стрельцу, из множества видимых только им удавшихся дуэтов из живых нулей и виртуальных частиц отбирают лишь человеческие прообразы, души, оставляя в стороне любые другие, также, по-видимому, очень интересные создания и их сознания...

Филин же увлечён картинами материализации и дематериализации «пляшущих и беснующихся» микрочастиц видимого Эфира... Ему очень хочется увидеть всё это воочию, и поэтому он, не понимая всей отчаянности своего поступка, решает подлететь к той «чёртовой» огромной Чёрной Дыре поближе. Его просто тянет туда, и он уже не может сопротивляться...

ФИЛИН

(громко)

А-а... Будь что будет, но я это увижу...

НАТ. ЧЁРНАЯ ДЫРА — ВНЕ ВРЕМЕНИ

Филин подлетает к Чёрной Дыре... Он — на краю бездны. Да, именно бездны; ещё одно движение и можно самому оказаться там, в её пучине, за чёрным занавесом в огнедышащем котле, уходящем далеко вглубь и постоянно уносящем туда всё приближающееся к Дыре месиво из частиц, тканей, волн, газа, химических элементов...

Где-то далеко-далеко маячит лишь тонкая чёрная линия с маленькой едва различимой точкой на конце...

ФИЛИН

(вспоминая физику, самому себе)

Сжатие, уплотнение материи, затем взрыв... Да, взрыв! Начало Мира! Расширение! Готовится рождение новой звезды или новой Галактики, а может быть и новой Вселенной...

Филин «ни жив и ни мёртв» буквально застывает на краю пропасти.

К Чёрной Дыре подлетают Мильсеги.

ФИЛИН

(Мильсегам, виновато улыбаясь)

Как здесь интересно и страшно...

МИЛЬСЕГ ПЕРВЫЙ

Ну что ты, друг мой. Мы любим здесь бывать и учиться выживанию. Нигде так не чувствуешь ритма жизни. Там, за Горизонтом Событий, как называют это пространство физики Земли, всё прекрасно, хотя и всё наоборот, наизнанку, так сказать... Но никакой тьмы и коллапсов там нет. Это только издалека так кажется.

МИЛЬСЕГ ВТОРОЙ

Да и мнение о том, что оттуда не возвращаются, тоже неверно. Мы ведь там постоянно живём и работаем. А сюда прилетаем в командировки и к Маме, что в общем то — одно и то же. Праздности у нас нет. Дел много... Вот и сейчас мы участвуем в работе маминной лаборатории по созданию усовершенствованных форм сознательной жизни в новой, недавно возникшей Спиральной Галактике. А эта Чёрная Дыра предоставляет нам в неограниченном количестве необходимые фотоны, гравитоны, мюонные нейтрино и другие виртуальные частицы всех видов и цветов.

По всей огромной окружности Чёрной Дыры продолжается интенсивное свечение; появляются мощные разряды наподобие электрических вспышек, разрывающие обволакивающую Дыру тьму в клочья.

МИЛЬСЕГ ПЕРВЫЙ

Для тебя, друг, здесь становится небезопасно... Океан усиливает интенсивность и частоту излучений, выбрасываемых Чёрной Дырой.

МИЛЬСЕГ ПЕРВЫЙ

(продолжает)

Это противостояние физических и психо-физических Полей у Горизонта Событий — вполне нормальное явление, результатом которого станет создание готовых форм необходимого Маме для её работы материала. Но мы прилетим за ним в другой раз. Пока ещё рано... Нам всем пора назад.

ИНТ. ПРОЩАНИЕ — ВНЕ ВРЕМЕНИ

Прилетают Мильсеги с Филином.

Все собираются вместе. Всех объединяет какая-то невидимая и ликующая «духовная материя».

Эфирный океан полностью просветляется и затихает. Лучистые дороги обозначаются как сияющие и расходящиеся в разные стороны радиусы-траектории, по которым и предстоит лететь каждому по своему направлению.

Филин и Стрелец, в последний раз посмотрев в мамину сторону и мысленно с ней простившись, резко взмывают вверх и подхваченные вихревыми потоками несутся всё дальше и дальше от «Дома»...

Помела, Крокус, Земфира и братья Мильсеги также душевно прощаются с Мамой и улетают к себе домой, стремительно достигнув горизонта и буквально нырнув в пространство Огненной Бездны, ограниченное «Горизонтом Событий». При этом, прямо на границе Бездны, они моментально сбрасывают с себя ангельские наряды, в которых были «Дома», меняя их на огненно-лучистые жёлто-оранжевые одежды великанов.